

А. Б. Окаева

ЯЗЫК ВРАЖДЫ В СОВРЕМЕННЫХ МЕДИА
(на материале англоязычных СМИ и социальных сетей)

В настоящее время словосочетание *язык вражды* активно используется как аналог английского термина *hate speech*. Имеются в виду выражения, подразумевающие отрицательную оценку всех представителей некоторой социальной группы, объединенной по признаку пола, расы, языка, этнического происхождения, политической, религиозной принадлежности или категории иного рода. Как и у многих современных социальных явлений, у этого понятия нет единого определения, принятого единогласно и разделяемого всеми исследователями.

Наиболее распространенным является подход, при котором высказывания, содержащие *язык вражды*, имеют четко выраженную негативную оценку, продвигаемую как нечто само собой разумеющееся. Как правило, такие определения находят свое отражение только в определенных социальных и политических кругах. Согласно Рекомендациям Комитета министров Совета Европы государствам-участникам по вопросам «разжигания ненависти», *язык вражды* можно охарактеризовать как «понятие, покрывающее все формы самовыражения, которые включают распространение, провоцирование, стимулирование или оправдание расовой ненависти, ксенофобии, антисемитизма или других видов ненависти на основе нетерпимости, включая нетерпимость в виде агрессивного национализма или этноцентризма, дискриминации и враждебности в отношении меньшинств, мигрантов и лиц с эмигрантскими корнями».

В документах ОБСЕ под *языком вражды* понимают «различные виды высказываний, которые основаны на враждебности, а также демонстрируют или разжигают враждебность по отношению к группе лиц (или к отдельному лицу по причине его принадлежности к этой группе)».

По мнению известного российского исследователя современного медиапространства И. Дзялошинского, термин *речевая агрессия* может служить аналогом понятия *hate speech*, поскольку под речевой агрессией можно понимать специфическую форму речевого поведения, которая мотивирована враждебным отношением говорящего к предмету беседы или собеседнику. Однако *язык вражды* не всегда можно легко определить, поскольку границу между оскорбительными эпитетами и относительно нейтральной характеристикой того или иного человека либо явления часто провести крайне сложно. Изменяются не только языковые нормы, но и политические и социальные форматы, лексическая единица меняет свою стилистическую окраску и то, что раньше было нейтральным, становится крайне грубым и абсолютно неприемлемым.

Принимая во внимание уровень развития цифровых СМИ и диапазон распространения социальных сетей, под определение *языка вражды* может попасть любое высказывание, фото- или видеоматериал, оскорбляющий, унижающий либо призывающий к насилию или иным другим действиям, направленным на явное ухудшение благосостояния конкретной группы людей, объединенных одним для них общим признаком. К сожалению, часто причиной для такого высказывания может быть бессознательная репрезентация тех мысленных концептов, которые сложились у говорящего, в силу его воспитания в определенной социальной среде в конкретной исторической эпохе.

Большинство развитых западноевропейских стран давно уже внесли в свое законодательство статьи, определяющие понятие *язык вражды* и регулирующие социальные нормы поведения в обществе. Стоит отметить, тем не менее, что США не имеют четкой законодательной позиции по данному вопросу, поскольку вопросы свободы слова и самовыражения, гарантируемые 1-ой поправкой к Конституции США, часто входят в противоречие с новыми законами, касающимися *языка вражды*. Отсутствие поддержки законов о *языке вражды* со стороны Верховного суда США, конечно, не ограничивает возможности обсуждения данного вопроса в американском обществе.

Например, 45-й президент США Д. Трамп многократно шокировал американское общество своими высказываниями. Печально известный Twitter-аккаунт Трампа стал наглядной демонстрацией того, как *не должен* высказываться политический лидер многонациональной страны. Разместив в своих Twitter и Facebook-аккаунтах расистское высказывание *When the looting starts, the shooting starts*, президент явно не ожидал, что придется давать объяснения. Это высказывание, использовавшееся в XX веке теми, кто поддерживал политику сегрегации в США, уходящее своими корнями во времена Движения за гражданские права и свободы чернокожего населения США, получило широкий резонанс в наши дни. Интересно, что шеф полиции Майами Уолтер Хедли использовал эту фразу в декабре 1967 на пресс-конференции, где обсуждались более жесткие меры, которые полиция планировала применить к протестующим темнокожим гражданам. Впоследствии фраза использовалась еще несколько раз, каждый раз вызывая возмущение либеральной общественности. В XXI веке использование данной фразы первым лицом государства привело к тому, что Facebook и Twitter должны были пересмотреть собственные меры противодействия распространению *языка вражды*, хотя само высказывание Д. Трампа не удалили, а аккаунт не был заблокирован. Ограничения по использованию Д. Трампом его Twitter-аккаунта вступили в силу только в начале 2021 года после атаки на Капитолий, которая, как полагали многие представители Демократической партии США, была спровоцирована очередной серией неоднозначных высказываний Д. Трампа в социальных сетях и на публичных выступлениях перед своими сторонниками.

В последнее время в англоязычной прессе *язык вражды* часто фиксируется в материалах, посвященных миграционным проблемам Европы. И хотя определенные термины не имеют четкой негативной коннотации, они могут приобретать ее в соответствующем контексте. Интересно, что в современных медийных текстах понятие *economic migrant* регулярно используется наряду с понятием *refugee*. Появление этой пары лексических единиц, которые не являются синонимами, можно объяснить теми ассоциациями, которые вызывают обе единицы. К сожалению, часто эти ассоциации также носят ярко выраженный негативный характер и влияют на формирование негативного образа носителя подобной характеристики.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что ситуация применения *языка вражды* в современном медийном пространстве зачастую не имеет ни географических, ни расовых, ни религиозных или иных границ, а объектом такой риторики может стать любой человек, оказавшийся в силу обстоятельств во враждебном для себя окружении.